

Отто Менхен-Хельфен

История и культура
Туннов

Отто Менхен-Хельфен
История и культура гуннов

«Центрполиграф»

1973

Менхен-Хельфен О.

История и культура гуннов / О. Менхен-Хельфен —
«Центрполиграф», 1973

Большую часть своей жизни профессор Калифорнийского университета Отто Менхен-Хельфен посвятил изучению мира гуннов. Он много лет путешествовал, посещал раскопки в Венгрии, Афганистане, Непале и Монголии, на Кавказе и у Великой Китайской стены. Вооруженный обширными знаниями в филологии, лингвистике и в истории азиатского искусства, Менхен-Хельфен собрал сведения из самых разных источников, классифицировал их и предложил свою трактовку мира гуннов, представил правдоподобный рассказ об экономике, общественном устройстве, военных действиях, искусстве и религии этого воинственного племени.

© Менхен-Хельфен О., 1973

© Центрполиграф, 1973

Содержание

Предисловие	6
От автора	9
Глава 1	12
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Отто Менхен-Хельфен

История и культура гуннов

Otto J. Maenchen-Helfen
The World Of The Huns
Studies in Their History and Culture

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без
письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном
порядке.

© Перевод, издание на русском языке, ЗАО «Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2014

Предисловие

Лишь немногие ученые захотят рискнуть своей репутацией и возьмут на себя монументальную задачу исправления неправильных представлений о гуннах, а также народах, имевших с ними родственные связи, их союзниках или тех, кого с ними попросту путали. В основе лежат филологические проблемы воистину ошеломляющих размеров. Кроме того, требуется профессиональное знакомство с первоисточниками истории многих периодов и восточной и западной цивилизации. Ну и, наконец, необходимо уравновешенное воображение, сдержанность и осторожность, чтобы достойно справиться с неправдоподобиями, противоречиями и предрассудками, которых немало в этой области. Профессор Калифорнийского университета

Отто Менхен-Хельфен занимался исследованиями мира гуннов много лет и отличался от других историков, изучавших Евразию, уникальной компетентностью в филологии, археологии и истории искусств.

В удивительном разнообразии его интересов можно убедиться, взглянув на список его публикаций, где есть *Das Märchen von der Schwanenjungfrau in Japan* («Сказка валькирии в Японии») и *Le Cicogne di Aquileia* («Аисты Аквилеи»), *Manicheans in Siberia* («Манихеи в Сибири») и *Germanic and Hunnic Names of Iranian Origin* («Германские и гуннские имена иранского происхождения»). Ему не приходилось ломать голову над идентичностью племен, народов или городов. Он всегда знал первоисточники – будь они греческими или русскими, персидскими или китайскими. Такая лингвистическая грамотность особенно необходима при изучении гуннов и их «родственников»-кочевников, поскольку название «гунн» применялось ко многим народам разного этнического характера, в том числе остготам, мадьярам и сельджукам. Даже древний кочевой народ хунну, живший к северу от Китая, не имевший никакого отношения к упомянутым выше племенам, его согдианские соседи именовали «гуннами». Менхен-Хельфен был знаком с китайскими источниками, касающимися народа хунну, и мог составить обоснованное мнение об их связи с европейскими документами, касающимися гуннской истории.

Его исключительная филологическая компетентность также помогла ему относиться к кочевникам, о которых говорится в обрывках старых манускриптов, как к реальным людям, описать их экономику, социальное расслоение, виды транспорта и способы ведения военных действий, религию, фольклор, искусство. Он сумел создать правдоподобный рассказ о предшественниках турок и монголов, свободный от традиционных западных предрассудков и лингвистических ограничений.

Менхен-Хельфен также обладал глубочайшими познаниями в истории азиатского искусства, которую он изучал на протяжении многих лет. Он был знаком с новейшими археологическими открытиями и знал, как соотнести их с доступными, но часто неявными филологическими свидетельствами.

Чтобы обозначить отличительные черты искусства народа, такого эфемерного, ускользающего, как гунны, необходимы знакомство с множеством разрозненных археологических находок в евразийских степях и умение отделить источники о гуннах от сравнимой совокупности материалов о соседних цивилизациях. Достаточно привести только один замечательный пример успешного решения ученым таких трудных проблем, как описание технической и стилистической связности разных металлических предметов из гуннских гробниц в самых разных, удаленных друг от друга местностях, а также развенчание широко распространенного мифа о том, что гунны якобы не были знакомы с металлообработкой.

Археологические свидетельства также играют первостепенную роль в определении происхождения гуннов, географии их расселения в древности и раннем Средневековье, степени проникновения в Восточную Европу и места их входа на Венгерскую равнину. Менхен-Хельфен точно знал, как интерпретировать находки в гробницах и кучах мусора для выдвижения гипотез о переселении народов. «Он верил в лопату, но его инструментом была ручка», – как-то сказал он о другом ученом. Это определение как нельзя лучше подходит и самому Менхен-Хельфену. Судя по похоронным обычаям гуннов и их союзников, гуннское оружие в основном производилось на востоке и оттуда передавалось на запад, а распространение подвесных зеркал, найденных вместе с искусственно деформированными черепами, – гуннская практика – доказывает, что гунны проникли в Венгрию с северо-востока. Обнаружение меча такого же типа, как в Альтлусхайме, в Барнауле (теперь меч находится в Эрмитаже), – мощный аргумент в пользу гипотезы Менхен-Хельфена о восточных корнях этого оружия. Менхен-Хельфену удалось пролить свет на цивилизацию одного из самых малоизвестных, призрачных народов раннего Средневековья.

Рассказ Менхен-Хельфена начинается *in medias res*¹ с того, что он отдает дань уважения и восхищения замечательному римскому историку Аммиану Марцеллину, взгляд которого на гуннское вторжение, несмотря на предрассудки, был во многих отношениях яснее, чем взгляды западных исследователей. Начало может показаться неожиданным и даже резким, но автор, вероятно, хотел, чтобы окончательная версия его книги начиналась именно с такой необычной оценки основного текста. Тем самым он желал подчеркнуть необходимость острой и обоснованной критики трудов по истории гуннов. С самого начала этот народ был опорочен и демонизирован (это его собственный термин) европейскими хронистами. Его олицетворением стали безликие орды варваров с востока, вечный источник опасности, по отношению к которому всегда необходимо было проявлять бдительность. Но происхождение и личности этих людей считались неважными. Основная часть настоящей книги посвящена истории и цивилизации «собственно гуннов», таких знакомых и в то же время совершенно незнакомых европейцам (здесь мы намеренно используем слово «цивилизация», поскольку существующие рассказы об этих людях имеют тенденцию представлять их агентами разрушительных сил, «вандалами», проливающими кровь на обломках некогда могучей Римской империи; Менхен-Хельфен видел их другими).

Текст полон реалий повседневной жизни гуннов. У Менхен-Хельфена не было необходимости делать обобщения (то есть выдвигать необоснованные гипотезы). Но в то же время он не отдавал предпочтение мелочам в ущерб панорамным обзорам. Автор увидел и показал в своей книге эпический характер великой драмы, развернувшейся на европейской сцене в самом начале нашей эры, столкновения армий и взаимодействия цивилизаций. Это масштабный и глубокий научный труд, который вряд ли кто-нибудь превзойдет в обозримом будущем.

Гитти Азарней

Петр А. Бюдберг

Эдвард Х. Шаффер

¹ В самую суть, прямо к делу (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

От автора

В истории западного мира 80 лет власти гуннов были всего лишь эпизодом. Святые отцы, собравшиеся на IV Вселенский собор в Халкидоне, проявили величайшее безразличие к всадникам варваров, которые всего лишь в сотне миль от них разорjali Фракию. И оказались правы. Через несколько лет голову сына Атиллы пронесли в триумфальной процессии по главной улице Константинополя.

Некоторые авторы чувствовали себя обязанными оправдать свое изучение мира гуннов пространными рассуждениями об их роли в переходе от поздней Античности к раннему Средневековью. Они утверждали, что без гуннов Галлия, Испания и Африка не капитулировали бы перед германцами или сделали бы это, но не так быстро. Само существование гуннов на востоке Центральной Европы якобы задержало феодализацию Византии. Возможно, это – правда, но, может быть, и нет. Но если бы историческое явление считалось достойным нашего внимания только в том случае, если оно оказало определяющее влияние на то, что последовало за ним, тогда ацтеки и майя, вандалы в Африке, бургунды, альбигойцы и королевства крестоносцев в Греции и Сирии были бы стерты с таблиц покровительницы истории Клио. Сомнительно, что Атила «делал историю». Гунны исчезли, как авары, «сгнули, как обры» – так писали древние русские хронисты о народах, исчезнувших навсегда.

Поэтому представляется странным то, что гунны даже по прошествии пятнадцати столетий вызывают столько эмоций. Благочестивые души до сих пор содрогаются, когда слышат об Аттиле, Биче Божьем, а немецкие университетские профессора в своих мечтах восторженно следуют за гегелевским «мировым духом» на лошади. Их можно обойти вниманием. Но некоторые турки и венгры все еще громко поют хвалебные песни во славу своего великого предка, умиротворившего мир, и Ганди – все в одном. Самыми страстными противниками этого кочевого народа являются русские ученые. Они проклинаят гуннов так, словно те бесчинствовали на Украине только вчера. Некоторые ученые в Киеве так и не смогли простить грубого уничтожения «первой процветающей славянской цивилизации».

Такая же яростная ненависть сжигала Аммиана Марцеллина. Он, как и другие писатели IV и V вв., изображали гуннов дикими монстрами, что мы можем видеть и сегодня. Из-за ненависти и страха представляли гуннов в ложном свете с тех самых пор, как они впервые появились в низовьях Дуная. Подобную тенденциозность можно понять, хотя трудно объяснить, а литературные свидетельства следует перечитать заново. С этого и начат настоящий труд.

В главах, касающихся политической истории гуннов, не просто излагаются события. Рассказ о рейдах Атиллы в Галлию и Италию нет необходимости повторять – его можно прочитать в любом учебнике истории, посвященном упадку Римской империи. Так что в дальнейшем будем считать, что читателю он известен, по крайней мере в общих чертах. Однако многие проблемы ранее не рассматривались, и немало ошибок было допущено Бьюри, Зеком и Штейном. Это утверждение никак не повлияло на статус сих маститых ученых, поскольку гунны никогда не были в центре их интересов. Но подобные недостатки свойственны и книгам, в которых гуннам уделено больше внимания, и даже монографиям. Первые 40–50 лет истории гуннов рассматриваются весьма поверхностно. Конечно, документальных источников немного, но все же не так мало, как некоторые считают. К примеру, о вторжении в Азию в 395 г. существует изобилие сирийских источников. Некоторые вопросы, поставленные правлением Атиллы, навсегда останутся без ответа. На другие, однако, источники дают односторонние ответы. Изучение мира гуннов, по большей части, опиралось на нелитературные источники, и так было у Гиббона и Тиллемона. Обсуждение хронологии может зачастую испытывать терпение читателя, но с этим ничего не поделаешь. Евнапий, который в своих «Исторических записках» тоже писал о гуннах, как-то спросил, какое влияние на историческую науку имеет

знание того, что сражение при Саламине было выиграно эллинами при восходе Сириуса. Евнапий имеет учеников и среди наших современников, и, возможно, их даже больше, чем когда-либо. Остается только надеяться, что Бог милует нас от историка, которому будет все равно, был Пёрл-Харбор до или после вторжения в Нормандию, потому что «в высшем смысле» это не имеет значения.

Во вторую часть настоящей книги вошли научные исследования об экономике, общественном устройстве, военных действиях, искусстве и религии гуннов. От предшествующих изысканий эти работы отличает широчайшее использование археологического материала. В своей книге «Аттила и гунны» (Attila and the Huns) Томпсон отказывается обращать на него внимание, а то немногое, на что ссылается Альтхайм в «Истории гуннов» (Geschichte der Hunnen), он знает из вторых рук. А между тем материала – в русских, украинских, венгерских, китайских, японских и, с недавнего времени, монгольских публикациях – море. В последние годы археологические исследования велись с такой скоростью, что мне пришлось, работая над публикациями о них, постоянно менять свои взгляды. Монументальный труд Вернера по археологии империи Аттилы, опубликованный в 1956 г., уже во многом устарел. Я полагаю и надеюсь на то, что то же самое через 10 лет можно будет сказать и о моих исследованиях.

* * *

Хотя я хорошо понимаю опасности, которые таятся в поиске параллелей между гуннами и другими кочевниками евразийских степей, признаюсь, что мои взгляды в определенной, надеюсь, не чрезмерной, степени сформировались под влиянием опыта, полученного мной во время общения с тувинцами Северо-Западной Монголии, среди которых я провел лето 1929 г. Они были в то время самым примитивным тюркоговорящим народом на границе Гоби.

Возможно, меня станут критиковать за то, что я уделил слишком мало внимания тем, кого Роберт Гёбл назвал иранскими гуннами: кидары, белые гунны, эфталиты, хуна. Обсуждая термин «гунн», я не мог не размышлять об этих названиях, но дальше этого не пошел. Литературы о данных племенах – или народах – очень много. Они находятся в центре «Истории гуннов» Альтхайма, хотя тот практически игнорирует нумизматические и китайские свидетельства, над которыми Еноки работал много лет. Труд Гёбла «Документы по истории иранских гуннов в Бактрии и Индии» (Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien) является самым глубоким исследованием их монет и печатей и, на основе этого, их политической истории. И все же остаются проблемы, в решение которых я не смог внести значимого вклада. У меня нет ни лингвистических, ни палеографических знаний, чтобы судить о правильности разных, зачастую совершенно непохожих, объяснений происхождения монет. Но даже если когда-нибудь ученые, работающие с этим неподдающимся пониманию материалом, придут к единому мнению, результат будет сравнительно скромным. Mihirakula и Togamaпа останутся просто именами. Нет ни поселения, ни захоронения, ни кинжала или обломка металла, которые могли бы быть приписаны им или любым другим иранским гуннам. Пока недостаточные и противоречивые описания их жизни не будут в значительной степени дополнены археологическими находками, знатоки гуннов Аттилы с благодарностью примут то, что им могут предложить эксперты по так называемым иранским гуннам, но мало что из этого может быть использовано для серьезных исследований. Недавно обнаруженный настенный рисунок в Афросиабе, древнем Самарканде, судя по всему, является первым лучом света в темноте. Будущее в изучении эфталитов находится в руках советских и, полагаю, китайских археологов.

Я отдаю себе отчет в том, что некоторые главы моей книги читать трудно. Например, глава о гуннах после смерти Аттилы привлекает внимание к событиям вроде бы незначитель-

ным, к людям, кажущимся не более чем тенями. От германских саг она перескакивает к духовным проблемам в Александрии, от иранских имен давно забытых вождей к землетрясению в Венгрии, от жрецов Исида в Нубии к Мидл-стрит в Константинополе. За это я не стану приносить своих извинений. Некоторые читатели определенно сочтут соединение разрозненных частей головоломки таким же захватывающим, каким оно показалось мне. И я легкомысленно признаюсь в художественном гедонизме, который лично для меня является далеко не последним стимулом для увлечения Средневековьем. А чтобы успокоить тех, кто с нечистой совестью называет то, что они делают, Историческими Исследованиями – именно так, с прописных букв, – скажу следующее: я не понимаю, почему история, скажем, Нижней Калифорнии заслуживает больше уважения, чем прошлое балканских гуннов в 460-х гг. *Sub specie aeternitatis*² – и те и другие канули в небытие.

А. Франс в своем романе «Суждения господина Жерома Куаньяра» привел чудесный рассказ о юном принце Земире, который приказал своим мудрецам написать историю человечества, так что он, просвещенный опытом прошлого, сможет допускать меньше ошибок, став монархом. Через 20 лет мудрецы явились к принцу, к тому времени уже королю. За ними шел караван из двенадцати верблюдов, каждый из которых нес 500 томов. Король потребовал более короткую версию. Мудрецы вернулись еще через 20 лет только с тремя навьюченными верблюдами. Но и это короля не устроило. Прошло еще 10 лет, и мудрецы привели одного вьючного слона. Еще через 5 лет мудрец пришел с одной большой книгой, которую вез ослик. Король уже был на смертном одре, но он не хотел умереть, так и не узнав истории людей, и попросил мудреца изложить ее очень коротко. Мудрец ответил, что для этого, по сути, достаточно трех слов: *они рождались, страдали и умирали*.

Король, не имевший желания изучать бесчисленные тома, был по-своему прав. Но пока люди, возможно, по глупости хотят знать, «как это было», будут существовать книги, подобные той, что вы держите в руках. *Dixi et salvavi animam meam*³.

² С точки зрения вечности (лат.). (Примеч. пер.)

³ Я сказал и тем спас свою душу (лат.). (Примеч. пер.)

Глава 1

Литературные свидетельства

Глава о гуннах, написанная римским историком Аммианом Марцеллином (330–400), является бесценным документом⁴. Она вышла из-под пера величайшего, по словам Штейна, литературного гения, которого мир узнал между Тацитом и Данте, и является также стилистическим шедевром. Безусловное превосходство Аммиана над другими авторами того времени, которые также не могли не упоминать о гуннах, становится очевидным из их описаний первого появления диких орд в северных балканских провинциях. Они повествуют в весьма скурых выражениях, что готы были вытеснены с насиженных мест гуннами, некоторые добавляют историю о самке оленя, которая проводила гуннов через киммерийский Босфор. И все. Они и не думали исследовать причины катастрофы Адрианополя, того ужасного дня 9 августа 378 г., когда готы уничтожили две трети римской армии. Иначе они бы обнаружили, что начало и источник, по словам Аммиана, всех крушений и несчастий – это события, имевшие место за Дунаем еще до того, как готы были допущены в империю. Они даже не пытались узнать, кто такие гунны, как они жили и сражались.

Мнение Аммиана интересно сравнить со следующим отрывком из книги VII труда «История против варварства» знаменитого историка-теолога Павла Орозия, расцвет деятельности которого пришелся на 415 г., а сам он был учеником святого Августина: «В тринадцатый год правления Валента, то есть некоторое время спустя как Валент начал по всему Востоку терзать церкви и убивать святых, этот корень наших несчастий дал обильнейшую поросль. Ибо ведь народ гуннов, долго живший за неприступными горами, охваченный внезапной яростью, воспламенился против готов и, приведя их в полное смятение, изгнал их с прежних мест поселения. Бежавшие готы, перейдя Дунай, были приняты Валентом без всякого заключения договора. Они даже не отдали римлянам оружие, чтобы чувствовать себя с ним в большей безопасности. Потом из-за нестерпимой жадности полководца Максима готы, принужденные голодом и несправедливостью взяться за оружие, разбив войско Валента, разлились по Фракии, наполняя все вокруг убийствами, пожарами и грабежами».

Если арианская ересь Валента была корнем всех зол, а нападение гуннов на готов – лишь следствием, тогда заниматься изучением гуннов – впустую тратить время и усилия. Существовала даже опасность того, что, глядя с очень близкого расстояния на *gesta diabolic per Hunnos*⁵, можно упустить из виду самого дьявола. Орозий обратил внимание только на сверхъестественные силы – Бога или демонов. Его не интересовало, что предшествовало событию или какими являлись его последствия, если это нельзя было использовать для теологических уроков. В общем, Орозий и все христианские авторы Запада не проявили интереса к гуннам. Аммиан назвал сражение при Адрианополе другими Каннами. Он не сомневался, даже когда казалось, что все потеряно: каждый Ганнибал найдет своего Сципиона, убежденного, что империя будет существовать до скончания веков: «Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока» (*His ego pes metas rerum pex tempora pono: imperium sine fine dedi*)⁶. Среди христиан Руфин был единственным человеком, который мог сказать, что поражение при Адрианополе стало началом бедствия для Римской империи, тогда и с тех пор. Другие видели в этом всего лишь триумф ортодоксальности и в красках описывали гибель проклятого еретика Валента. Орозий посчитал смерть неудачливого императора доказательством единственности Бога.

⁴ Описание исторического и культурного фона см. в главе 12, написанной Полом Александером. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.*)

⁵ Деяния дьявола через гуннов (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

⁶ Вергилий. Энеида.

Демонизация

Возможно, отсутствие интереса к гуннам объяснялось и другой причиной: они были демонизированы. Когда в 364 г. Иларий из Пуатье предсказал пришествие Антихриста в рамках одного поколения, он повторил то, что, должно быть, думал на протяжении двух лет правления Юлиана. Но с тех пор Христос одержал верх, и только такой упрямый фанатик, как Иларий, мог увидеть в отказе императора сместить арианского епископа знак приближающегося конца света. Даже те, кто все еще были приверженцами хилиазма доконстантиновской церкви и считали Божественные установления (*Divinae institutiones*) Лактанция своим путеводителем в будущее, не ожидали, что вскоре услышат своими ушами звуки трубы архангела Гавриила («Падение и уничтожение мира скоро будет иметь место, но, судя по всему, ничего подобного не произойдет, пока стоит Рим»).

Все изменилось в начале 378 г. Италия не подвергалась нашествию варваров со времени правления императора Аврелиана (270–275). Теперь она внезапно оказалась под угрозой «нечистого и жестокого врага». Паника распространилась по городам; поспешно возводились импровизированные укрепления. Амвросий, недавно потерявший своего брата Сатира, нашел утешение в мысли о том, что он был «взят из жизни для того, чтобы не попал в руки варваров... чтобы не видел руин всей земли, конца мира, похорон родственников, смерти сограждан». Это было время, предсказанное пророками, «когда они поздравляли мертвых и оплакивали живых» (*gratulabantur mortuis et vivos plangent*). После Адрианополя Амвросий чувствовал, что «на нас надвигается конец мира». Повсюду война, чума и голод. Последний период мировой истории близился к завершению: «Мы живем на закате века»⁷.

В последней декаде IV столетия эсхатологическая волна захлестнула Запад от Африки до Галлии. Антихрист уже родился, и скоро он взойдет на трон империи⁸. Еще три поколения, и будет возведено о приходе нового тысячелетия, но не раньше, чем бесчисленные множества погибнут в ужасах, этому предшествующих. Час суда приближается, знаки, на это указывающие, становятся яснее с каждым днем.

Гоги и магоги (Иез., 38: 1-39: 20) надвигались с севера. Начальные буквы этих слов, по словам Августина, который сам отвергал такие отождествления, навели некоторых людей на мысль, что это готы (готы) и массагеты. Амвросий принял готов за гогов. Африканский епископ Кводвультдеус не смог решить, должен ли он идентифицировать магогов как мавров или как массагетов. Почему, собственно, массагеты? В V в. не было никаких массагетов. Однако, учитывая, что Темистий (Фемистий), Клаудий и позднее Прокопий называли гуннов массагетами, представляется вероятным, что те, кто идентифицировал магогов с массагетами, на самом деле имели в виду гуннов. В Талмуде, где гот – это гог, магог – «страна кантов» – царство белых гуннов.

Иероним не разделял хилиастских страхов и ожиданий своих современников. Придавая новую форму труду Викторина Петавийского *Commentary on the Revelation*, он заменил последнюю часть, полную хилиастских идей, отрывками из Тихония. Но когда в 395 г. гунны вторглись в западные провинции, он также стал опасаться, что «римский мир рушится» и конец Рима означает конец всего. Четыре года спустя, все еще пребывая под впечатлением катастрофы, он уже видел в гуннах дикарей, удерживаемых за Кавказскими горами железными воротами Александра. *Ferae gentes* – это гоги и магоги из легенды об Александре. Иосиф Флавий (37/8-100), который первый заговорил о железных воротах Александра, считал ски-

⁷ *Rauschen*, 1897. 494; *Palanque*, 1935. 534, 535; *Dudden*, 1925. 693.

⁸ «Нет никакого сомнения, что Антихрист уже родился; он очень рано твердо встал на ноги и после возмужания достигнет верховной власти».

фов магагами. Иероним, бывший его последователем, идентифицировал скифов Геродота как гуннов и таким образом неявно приравнивал гуннов к магагам. Орозий сделал то же самое; его «неприступные горы», за которыми гунны оказались заперты, были теми, где Александр построил стену для удерживания гогов и магагов. В VI столетии Андрей из Кесарии в Каппадокии все еще придерживался мнения, что гоги и магаги были теми скифами с севера, «названными нами гунника». Если даже сдержанный Иероним некоторое время был склонен видеть в гуннах спутников апокалиптических всадников, можно представить, что чувствовали суеверные массы.

После 400 г. хилиастские страхи несколько ослабли. Однако за гуннами продолжал стоять дьявол. Любопытный рассказ Иордана об их происхождении почти наверняка основан на христианской легенде о падших ангелах. Нечистые духи «даровали свои объятия колдуньям и породили эту дикую расу». Гунны не были людьми, похожими на другие народы. Эти страшные люди – огры (*ogre – Hongre = Hungarían* – венгры), обитавшие на пустынных равнинах за границами христианского мира, откуда они неоднократно наступали, чтобы приносить смерть и разрушение верующим, были отпрысками *daemonia immunda*. Даже после падения царства Аттилы людей, которые произошли от гуннов, считали союзниками дьявола. Они окружали своих врагов тьмой. Авары, которых Григорий Турский называл чуни, «искусные в волшебных хитростях, заставляли их, то есть франков, видеть иллюзорные образы и полностью победили их» (*magics artibus instructi, diversas fantasias eis, i. e., Francis ostendunt et eos valde superant*).

Можно с уверенностью утверждать, что одна только такая демонизация не помешала бы латинским историкам и религиозным писателям изучать гуннов и описывать их, как это сделал Аммиан. Тем не менее запах серы и жар адского пламени, сопутствующие гуннам, отнюдь не благоприятствовали историческим исследованиям.

Отождествления

Какими восточные авторы видели гуннов? Можно было бы ожидать, что греческие историки сохранили по крайней мере толику этнографического любопытства Геродота и Страбона. Но то, что мы имеем, не может не разочаровывать. Вместо фактов они предлагают нам отождествления. Латинские хронисты V в., называя гуннов своим собственным именем, не так руководствовались желанием быть точными, как были вынуждены основываться на фактах из-за незнания литературы. Они почти ничего не знали о скифах, киммерийцах и массагетах, чьи названия греческие авторы постоянно меняли на гуннов. Однако даже в те времена, когда существовала латинская литература, достойная своего славного прошлого, латинские писатели – и прозаики, и поэты – остерегались околечностей и отождествлений, в которых погрязли греки. Авсоний редко упускал возможность показать, насколько он начитан, тем не менее он воздерживался от замены настоящих названий варваров, с которыми сражался Грациан, теми, что были ему известны из Ливия и Овидия. Амвросий тоже избегал употребления архаических и ученых слов. Гунны, а не массагеты напали на аланов, которые бросились на готов, а не скифов. У Амвросия, бывшего *consularis*, римская трезвость и антипатия к спекуляциям была такой же живой, как у Авсония, ритора из Бордо. Сравнение панегирика Феодосию Паката с речами Темистия является разоблачающим. Галлы называли гуннов их названием, греки именовали их массагетами.

Как и на Западе, многие восточные авторы не испытывали интереса к захватчикам. К ним относились как к бандитам и дезертирам и называли их скифами – это название в IV и V вв. давно утратило свое специфическое значение. Оно широко применялось ко всем северным варварам, независимо от того, были они кочевниками или крестьянами, говорили на германском языке, иранском или любом другом. Тем не менее в словаре образованных людей слово удержало, хотя и в ослабленном варианте, часть своего первоначального значения. Вызванные

им ассоциации должны были определить отношение к варварам. И временами совсем непросто решить, кого именно имеет в виду автор. Кто они: «царские скифы» Приска, доминирующее племя, как у Геродота, члены царского клана или просто представители знати? Недостаточно сказать, что эта фраза – только один из нескольких примеров литературного долга Приска Геродоту. Это определено так. Но было бы странно, если бы человек, который нередко использовал это и другие выражения великого историка, не поддавался искушению видеть гуннов такими же, как древние видели скифов.

Греческие историки поставили знак равенства между гуннами и киммерийцами, скифами и другими народами прошлого не для того, чтобы продемонстрировать свое знание классиков или приукрасить повествования. Прежде всего они были убеждены, что нет народов, которых не знали бы мудрецы прошлого. И это, в свою очередь, в общем-то не являлось ограниченным традиционализмом – хотя он, конечно, присутствовал тоже – а, скорее, стало психологическим приемом, защитным механизмом. Синезий Киренский (370–412) в своем труде *Address on Kingship* («О царстве») объяснил, почему не может быть новых варваров.

Теперь, чтобы не допустить варваров из Азии или Европы в свой дом, не строят, как прежние правители, вокруг него высокую стену. Скорее собственными деяниями они настоятельно советуют этим людям отгородиться, пересекая Евфрат в погоне за парфянами и Дунай, преследуя готов и массагетов. Но сейчас эти нации сеют страх среди нас, тоже переправляясь через реки, принимая другие имена, и некоторые из них даже искусно изменяют собственную внешность, и получается, что на пустом месте вдруг появилась новая и незнакомая раса.

Тем самым тезис идентичности старых и новых варваров доводится до абсурда. Но что неоднократно повторяли римские генералы накануне сражений? Наши отцы победили их, теперь мы победим их снова. Таким образом, неизвестный нападающий лишается одной из своих самых пугающих черт: он становится известным, а значит, и не таким уж страшным.

В отождествлении гуннов и древних народов сыграли свою роль оба мотива – и эмоционально обусловленный *reductio ad notum*⁹, и стремление образованных историков продемонстрировать свою эрудицию. Причем первый, по моему убеждению, является более второстепенным, чем обычно считают. С каким из известных народов автор отождествляет гуннов, зависит от объема информации, обстоятельств, при которых он работал, и предполагаемой или действительной одинаковости между известным и едва знакомым. Результат неизменно был одним и тем же. Все размышления о происхождении гуннов заканчивались отождествлением.

Филосторгий в труде *Ecclesiastical History*, написанном между 425 и 433 гг., «узнает» в них невров. Образованный и начитанный человек, он, по-видимому, отыскал ныне утраченное описание невров, которое совпало с его знаниями о гуннах. Можно подумать, что Филосторгий, не столь критично настроенный, как Геродот, верил в истории об оборотнях, коими считались невры. Синезий и Иероним, вероятно, являлись не единственными, кто сравнивал гуннов с волками. И не было ничего необычного в том, что Филосторгий идентифицировал зверствовавших гуннов с оборотнями Скифии. Но самое вероятное объяснение верования – местоположение невров. Они были самым северным народом, гунны пришли с дальнего севера, значит, гунны есть невры. Сказать, что они жили вдоль Рифейских гор, как это сделал Филосторгий, – всего лишь другой способ поместить их как можно дальше на север. После легендарного Аристея Рифейские горы считались регионом вечных снегов, домом ледяных бореев.

Идентификация гуннов с киммерийцами Прокопия не лучше и не хуже его заявления, что готы, вандалы и гепиды в прежние времена назывались сарматами. Обычно Прокопий, как и Теомистий и Клавдиан, ставили знак равенства между гуннами и массагетами. Более поздние византийские авторы уверенно повторяли формулу: прежний X, теперешний Y.

⁹ Возвращение к знакомому (*лат.*). (Примеч. пер.)

И наконец, есть историк Евнапий из Сарда (345–420). Приведенный ниже фрагмент из его труда (по мнению А. А. Васильева) показывает, какой это был добросовестный и честный историк: «Хотя никто нам не говорил, откуда взялись гунны и каким путем они наводнили всю Европу и вытеснили скифские народы, в начале моей работы, ознакомившись с рассказами древних авторов, я изложил факты, которые показались мне достоверными, так чтобы мой труд не зависел только от вероятных утверждений и не отклонился от истины. Мы не похожи на тех, кто с раннего детства живут в маленьком и бедном домике и позднее, благодаря счастливому случаю, получает великолепные дворцы, но все равно, по привычке, любит старые вещи и заботится о них. Мы скорее напоминаем тех, кто сначала использует одно лекарство для лечения телесного недуга, в надежде на помощь, но потом находит лучшее лекарство и начинает пользоваться им, не для нейтрализации действия первого лекарства, но чтобы исправить ошибочное суждение и, если можно так сказать, ослабить свет лампы лучом солнца. Подобным образом мы добавим более правильное свидетельство к сказанному выше, оставив прежний материал, как историческую точку зрения, используя которую с добавлением последних материалов можно установить истину»¹⁰.

Все эти разговоры о лекарствах и зданиях, помпезные заявления о том, что он собирается написать о гуннах, – не более чем пустой звук. Описание гуннов Евнапия сохранено у Зосимы. Оно показывает, каким пустословом был якобы добросовестный историк. Одну его часть Евнапий списал у Аммиана Марцеллина, другая – та, где он собрал рассказы древних авторов, – нелепая мешанина. Евнапий называет гуннов народом прежде неизвестным, а уже в следующей строчке предлагает идентифицировать их с царскими скифами Геродота. В качестве альтернативы он упоминает о «курносых и слабых людях, которые, как утверждает Геродот, живут возле Истра [Дуная]». Совершенно очевидно, что он имел в виду Геродота, но переделал коней Сигиннов, «курносых и неспособных везти людей» в «курносых и слабых людей».

Аммиан Марцеллин

На фоне безразличия, предрассудков и спорных отождествлений описание гуннов, данное Марцеллином, невозможно переоценить. Правда, Ростовцев назвал его «не вполне реалистичным». Чтобы его должным образом оценить, следует принять во внимание обстоятельства, при которых оно было написано, источники информации Аммиана и его восхищение *styli veteres*.

Вероятнее всего, он закончил работу зимой 392/93 г., иными словами, в то время, когда опасность войны между двумя частями империи неуклонно возрастала. В августе 392 г. могущественный генерал Арбогаст провозгласил Евгения императором Запада. Какое-то время Феодосий, вероятно, пребывал в нерешительности. Надо полагать, он считал правильным прийти к соглашению с узурпатором, который превосходил его в военном оснащении. Но когда он назначил не Евгения, а одного из своих генералов на консульство вместе с собой, а 23 января 393 г. объявил своего сына Гонория Августом, стало ясно, что он пойдет войной на Евгения, как и на Максима в 388 г. Не может быть сомнений в том, что симпатии Аммиана, который всегда был поклонником Юлиана, были не на стороне христианского фанатика Феодосия, а принадлежали образованному язычнику Евгению. Аммиан, должно быть, с ужасом взирал на армию Феодосия, которая являлась римской только по названию. Хотя невозможно доказать, что император был обязан своей победой над Максимом безрассудно смелой гуннской кавалерии, они определенно сыграли решающую роль в кампании. Конники Феодосия «неслись по воздуху на Пегасах»; они не скакали, а летели. Никакие другие войска, кроме гуннских, не могли преодолеть 60 миль от Эмоны до Аквилеи за один день. Аммиан имел все основания

¹⁰ Перевод А. А. Васильева.

опасаться, что в явно неизбежной войне большая часть восточной армии будет снова состоять из гуннов. Так и вышло.

Аммиан ненавидел варваров, даже тех, которые отличились на службе Рима¹¹. Он называл галльских солдат, которые храбро сражались с персами при Амиде, *dentatae bestiae*¹², и завершил свою работу восхвалением Юлию, *magister militia trans Taurum*¹³, который, узнав о готской победе при Адрианополе, приказал убить всех готов на своей территории. Но гунны были хуже. И Клавдиан, и Иордан вслед за Аммианом назвали гуннов «самыми мерзкими отпрысками севера», более свирепыми, чем сама свирепость. Даже «охотники за головами» – аланы – были по образу жизни и привычками не такими дикими, как гунны. После длительного общения с римлянами некоторые германцы стали более цивилизованными, но гунны оставались первобытными дикарями.

Повествование Аммиана не лишено предвзятости его информаторов. В какой-то момент до 378 г. он уехал в Рим, где, за исключением короткого промежутка в 383 г., провел всю жизнь. Конечно, нельзя не учесть возможности того, что он встречал там гуннов, но маловероятно, чтобы некий гунн, знающий в лучшем случае несколько латинских слов, мог рассказать Аммиану, как жил и сражался с готами его народ. Рассказ о войне на юге России и Румынии основан в основном на докладах, полученных Аммианом от готов.

Мундерих, который сражался с гуннами, позже *dux limitis per Arabias*¹⁴, мог быть одним из его информаторов. Пожалуй, можно сказать, что Аммиан писал свое повествование с готской точки зрения. К примеру, он описал Германариха в высшей степени воинственным царем, которого боялись соседи из-за его многочисленных проявлений храбрости. *Fortiter* – это похвала, данная варвару Аммианом не просто так. Алатей и Сафракс были «опытными лидерами», известными своей храбростью. Аммиан называет не менее одиннадцати готских лидеров¹⁵, но ни одного гунна. Они были безликой массой, ужасной и нечеловеческой.

Повествование Аммиана искажено ненавистью и страхом. Томпсон, который верит практически каждому его слову, соответственно, помещает гуннов второй половины IV в. на «более низкую ступень пасторализма». Он утверждает, что они жили в условиях ужасных трудностей, постоянно перемещались с пастбища на пастбище, занятые присмотром за стадами. Их железные мечи, возможно, были получены по бартеру или захвачены, поскольку «кочевники не обрабатывали металл». Томпсон утверждает, что даже после 80 лет контакта с римлянами производственные возможности гуннов оказались так малы, что они не могли изготавливать столов, стульев и кушеток: «Способы производства, доступные гуннам, были настолько примитивны, что это даже трудно вообразить». Такой невообразимо примитивной экономике соответствует столь же примитивная социальная структура, общество без классов и наследственной аристократии. Короче говоря, по Томпсону, гунны являлись аморфной бандой мародеров. Даже советские ученые, которые до сих пор ненавидят гуннов, считая их убийцами своих славянских предков, отвергают идею о том, что экономика гуннов и их общество были примитивными.

Если бы гунны не умели ковать мечи и выплавлять наконечники для стрел, они бы никогда не переправились через Дон. Идея, что гуннский всадник добрался до стен Константинополя и до Марны, имея только выменянные по бартеру или захваченные мечи, абсурдна. Военные действия гуннов требовали в качестве предварительного условия далекоидущее разделение труда в мирное время. Аммиан усиленно подчеркивает отсутствие каких-либо строе-

¹¹ *Ensslin*, 1923. 31–32.

¹² XIX. 6. 3. Зубастые звери (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

¹³ Военный магистр за Тавром (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

¹⁴ Глава военного округа в империи. (*Примеч. пер.*)

¹⁵ Германарих, Витимир, Видерих, Алатей (Алафей), Сафракс (Сафрак), Атанарих, Мундерих, Лагариман, Алавив, Фритигерн, Фарнобий.

ний в стране гуннов, и у читателя может сложиться впечатление, что последние круглый год спали под открытым небом. Лишь мимоходом автор упоминает о палатках и повозках. Возможно, многие могли поставить палатку, но лишь немногие могли построить крытую повозку – почти экипаж.

Отрывок, который более, чем какой-либо другой, показывает, что описание Аммиана нельзя слепо принимать на веру, цитируется и комментируется очень часто: *Aguntur autem nulla severitate regali, sed tumultuarioprimum ductu contenti, perumpunt quidquid incident.* («Они не подвержены царскому давлению, но довольствуются неорганизованным правительством, состоящим из важных для них людей, и под его руководством преодолевают все препятствия» (Дж. Рольф). Представляется не очень важным то, что это утверждение идет вразрез с рассказом Кассиодора-Иордана о войне между готами и Баламбером (Баламиром), царем гуннов, который впоследствии женился на Вадамерке, внучке готского правителя Винитария. Кем бы ни был Баламбер, Кассиодор ни за что не признал бы, что готская принцесса могла выйти замуж за мужчину менее значимого, чем царь. Более важным является противоречие между утверждением Аммиана и тем, что он сам говорил о деяниях гуннов. Хотя культурный уровень остготов Германариха и сплоченность его царства не следует переоценивать, его неожиданный крах под натиском гуннов был бы необъяснимым, если бы последние оказались всего лишь неорганизованной массой завывающих дикарей. Томпсон называет гуннов обычными мародерами и грабителями. В каком-то смысле он прав, но грабежи такого масштаба, как удавались гуннам, были бы невозможны без военной организации и командиров, планировавших кампании и координирующих действия атакующих, иными словами, без людей, отдающих приказы, и людей, их выполняющих. Альтхайм определяет *tumultarius ductus*¹⁶ как *eine aus dem Augenblick erwachsene, improvisierte Führung*¹⁷. Это передает слова Аммиана лучше, чем «неорганизованное правительство» Рольфа. Между тем военные действия гуннов никогда не указывали на то, что можно назвать «импровизированным командованием».

Представляется вполне вероятным, что Аммиан на основании стремительности военных действий гуннов сделал вывод о том, что дикарей «приводит в движение не строгость царей». Он мог думать о том, что сказал Гиппократ об отваге европейцев, которые были более воинственными, чем азиаты, потому что не имели царей. «Где есть цари, там должны быть величайшие трусы. Души людей поработены и отказываются с готовностью и безрассудно рисковать, чтобы увеличить власть кого-то другого. Но независимые люди, рискующие ради себя, а не ради других, с готовностью рискуют, поскольку именно они наслаждаются плодами победы» (*De aere. Ch. 23; Loeb. 132–123*).

В течение некоторого времени неправильное понимание гуннской наступательной тактики – неожиданное обманное бегство и возобновление атаки – было, скорее всего, неизбежным. Но Аммиан писал свои последние книги через 14 лет после Адрианополя. К этому времени он уже должен был знать или, по крайней мере, подозревать, что ранние сообщения об импровизированном командовании у гуннов являлись неправильными. Тем не менее он неуклонно придерживался их, потому что считал гуннов двуногими зверями, которые имеют только внешний вид человека. Он утверждал, что их метательные снаряды имеют острые костяные наконечники. Возможно, он в чем-то прав, но только все известные нам наконечники гуннских стрел сделаны из металла. Аммиан сделал исключение правилом.

Описывая гуннов, он использовал фразы и отрывки из более ранних авторов. Поскольку гунны, как и скифы прошлого, были северными варварами и поскольку древние авторы много и хорошо писали о ранних варварах, Аммиан, грек из Антиохии, решил, что лучшим решением будет их пересказ. Одним из авторов, которому он подражал, был историк Трог Помпей,

¹⁶ Поспешное, стремительное командование (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

¹⁷ Сиюминутное, импровизированное командование (*нем.*). (*Примеч. пер.*)

современник императора Августа. Аммиан писал: «Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь... Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден – вдали оттуда, вырос – еще дальше. Они покрывают тела одеждой, сшитой из шкур лесных грызунов» (*Nemo apud eos arat nec solum aliquando contingit. Omnes sine sedibus fixis absque lege vel lege aut ritu stabili dispalantur, semper fugientium similes... vagi montesperagrantes et silvass. Indumentis operiuntur ex pellibus silvestrium murum consarcinatis*). Это, очевидно, сделано по образцу описания Трогом скифов: «Они не пашут поля. У них нет дома, нет крыши, нет определенного места жительства... Они кочуют по невозделанным просторам... используют шкуры диких животных и грызунов» (*Neque enim agrum exercent. Neque domus illis ulla aut tectum aut sedes est... per incultas solitudines errare solitis. Pellibus ferinis ac murinis utuntur*).

Можно возразить, что такое соответствие ни о чем не говорит, потому что образ жизни кочевников во всех евразийских степях был в конечном счете более или менее одинаковым. Но этого нельзя сказать о другом утверждении Аммиана, которое он тоже взял из более ранних источников. Он пишет: «... они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них на женский манер, занимаются своими обычными занятиями. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны». Аммиан искренне восхищался Трогом. Он прочитал описание парфян: «Все время они проводят на своих лошадях. Верхом они воюют, участвуют в пиршествах, занимаются общественным и личным бизнесом. Верхом они перемещаются, стоят спокойно, торгуют и беседуют» (*Equis omni tempore vectantur; illis bella, illis convivial, illis publica official obeunt, super illos ire consistere, mercari, colloqui*). Аммиан понял Трога совершенно буквально. «Все время» (*omni tempore*) он переделал в «день и ночь» (*pernox et perdiu*), и потому гунны в его описании даже спят на лошадях.

Описание Аммианом привычек гуннов, связанных с едой, – это еще один пример его тенденции использовать то, что он читал в старых книгах. Он пишет: «Они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного погреть». Все это забавный пример хорошей наблюдательности и приверженности традициям. То, что гунны ели корни диких растений, – вполне возможно. Так поступают многие северные варвары. А вот данное Аммианом описание того, как кочевники грели сырое мясо на спинах лошадей, не выдерживает никакой критики. Это неправильно понятый другой обычай кочевых народов: гунны, скорее всего, прикладывали сырое мясо к ранам на спинах лошадей, вызванных давлением седла, для скорейшего излечения. Между прочим, в конце XIV в. баварский солдат некий Ганс Шильтбергер, который определенно ничего не слышал об Аммиане Марцелине, сообщил, что татары Золотой Орды во время быстрых переходов «брали сырое мясо, резали на тонкие кусочки, заворачивали в ткань, укладывали под седла и ехали на них. Проголодавшись, они съедали это мясо».

Фраза «Они так закалены, что питаются полусырым мясом всякого скота» («*Ita victu sunt asperi, ut semicruda carne uestantur*») взята у географа Помпония Мела (расцвет его деятельности – 40 г.), который описывал германцев: «Они так закалены и грубы, что едят даже сырое мясо» («*Victu ita asperi incultique ut crudam etiam carne uestantur*»). Говорят, что кимбры (кимвры) тоже ели сырое мясо. *Сыроядцы* – так русские называли татар – возможно, обозначает, что татары ели сырое мясо. В других источниках их называли сыроедцами. Как и многие северные народы, гунны действительно могли питаться сырым мясом. Аммиан, однако, идет на шаг вперед; он утверждает, что гунны вообще не готовили пищу на огне, что опровергается находкой больших медных котлов для приготовления пищи – одного из лейтмотивов гуннской цивили-

зации. Но Аммиан считал своим долгом сделать из гуннов варваров, находящихся на самой низкой ступени развития¹⁸.

Все это вовсе не означает, что от повествования Аммиана следует отказаться, как от недостоверного. В нем содержится множество информации, которая неоднократно подтверждена как вполне надежная другими литературными источниками и археологическими свидетельствами. От Аммиана мы узнали, как выглядели гунны и как одевались. Он очень точно описал их лошадей, оружие, тактику и кибитки.

Кассиодор-Иордан

В своей гуннофобии Аммиана можно приравнять к Кассиодору (487–583). Утраченная «Готская история» (Gothic History) этого автора по большей части сохранилась в труде Иордана «Происхождение и деяния гетов» (The Origin and Deeds of Getae), который обычно называют «Гетика» (Getica). Но Кассиодор должен был объяснить, почему гунны смогли стать господами его героев, остготов, и править ими в течение трех поколений. Его гунны обладают нечестивым величием. Они жадный и жестокий, но смелый народ. Аттила – жестокий и сластолюбивый монстр, но не сделал ничего трусливого. Он был как лев. По Аммиану, гунны «при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием» – эти слова Кассиодор скопировал. Но если Аммиан дальше пишет: «Чтобы тем задержать рост волос на зарубцевавшихся надрезах», то Кассиодор продолжает иначе: «Чтобы еще до того, как они получают молоко, младенцы научились терпеть раны».

Повествуя о ранней истории готов, Иордан повторяет Кассиодора, хотя не всегда дословно. Для правильной оценки готских традиций, связанных с борьбой против гуннов в Южной России, следует помнить, что они дошли до нас в несколько облагороженной, «цивилизованной» форме. В остготской Италии, должно быть, еще была жива память о великих войнах, которые велись плечом к плечу с гуннами и против них. Источниками Кассиодора были песни, *santus maiorum*, *santiones*, *carmina prisca*, а также рассказы, некоторые из которых были «почти такие, как это было в действительности» (*repe storico ritu*). При этом репе не следует воспринимать слишком серьезно. Кассиодор писал свою «Готскую историю», чтобы «вернуть фамилии Амал великолепие, принадлежащее ей по праву». Он писал для образованных римлян, чьи вкусы были бы оскорблены грубыми, жестокими и кровавыми аспектами ранней германской поэзии. Сравнение «Гетики» с «Историей лангобардов» Диакона показывает, до какой степени Кассиодор очистил традиции готских лордов от всех варварских черт.

Но это еще не все. *Origo gentis Langobardorum* – труд, написанный около 670 г. и ставший одним из источников Павла, полон языческих знаний. Более чем через 200 лет после обращения датчан в христианство старые божества, скудно замаскированные в древних королей, все еще бродили по страницам *Saxo Grammaticus*. В 530-х гг., когда Кассиодор писал свою историю, еще были живы люди, отцы которых, если не они сами, в юности приносили жертвы старым богам. Готские *Heldenlieder* (героические эпосы) были определенно такими же языческими, как у датчан и лангобардов. Исходный материал «прорывается» в одном отрывке из «Гетики», взятом у Кассиодора: «И по причине великих побед, которые готы одержали в этом регионе, они впоследствии назвали своих лидеров, благодаря удаче которых они победили, не просто людьми, а полубогами, то есть *ansis*». Даже здесь Кассиодор эвфемизировал предание. В других местах языческие элементы радикально исключены. Генеалогия Амалунгов, которая

¹⁸ Как даже такой внимательный наблюдатель, как Прокопий, пал жертвой традиционного представления, иллюстрируется двумя отрывками из его описания мавров. У них нет, утверждает он, «ни хлеба, ни вина, ни других хороших вещей [у Аммиана *saporati sibi*], но они берут зерно, пшеницу или ячмень, не варят его и не перемалывают в муку и едят его, как животные». Прокопий повествует о женщине из мавров, которая «раздробила зерно, сделала очень тонкую лепешку и бросила ее в горячую золу очага. Так мавры пекут свой хлеб».

в *carmina* и *fabulae* была почти наверняка полна богами, богинями, убийствами и убийцами, читается как официальный документ.

Там, где, как в рассказе о войне между остготами и гуннами, в изложениях Аммиана и Кассиодора-Иордана есть отличия, правильной, безусловно, следует считать версию Аммиана. Мы не можем быть уверенными даже в том, что цитаты Кассиодора из Приска точны. Между тем, поскольку наша информация о гуннах основывается именно на этих цитатах, приходится принимать их такими, какие они есть. Время от времени (как, например, в истории об Аттиле и священном мече или в описании дворца Аттилы) Кассиодор передает текст Приска лучше, чем отрывки, которые писцы сделали для Константина Багрянородного в X в. И уже только за это мы должны быть благодарны сбивчивому, беспорядочному и плохо образованному Иордану. Тем не менее возвеличивать его до уровня величайшего историка, что несколько лет назад попытался сделать Джунта, – безнадежное предприятие.

Глава 2 История

От Дона до Дуная

Первые главы последней книги Аммиана Марцеллина содержат единственный сохранившийся последовательный рассказ о событиях на юге России, имевших место до 376 г. От готских информаторов Аммиан узнал, что народ гуннов, «воспламененный дикой жаждой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов, древних массагетов». Кто были эти люди, очевидно, никто не мог ему рассказать, и *monumenta vetera* (памятники старины) не давали никакой информации. Это были «неизвестные народы; нам неведомы даже названия их, не то что обычаи». Практическая информация Аммиана начинается с нападения гуннов на аланов. Гунны захватили территории аланов, граничившие с остготами, которых обычно называли танаитами – донскими народами (Танаис – Дон, есть еще город с одноименным названием на Дону).

Эту фразу можно трактовать по-разному. Как далеко на восток и запад тянулись территории донских народов? В одном отрывке Аммиан поселяет всех аланов – включая танаитов – «на неизмеримое пространство скифской пустыни», но только для того, чтобы несколькими строчками ниже заявить, что аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен и их разделяет Дон. Гревтунги – остготы были западными соседями танаитов. Но в другом отрывке Аммиан помещает уже савроматов, а не гревтунгов, между Доном и Дунаем, а еще в одном (после труда Птолемея «География» (V. 9, 1) также к востоку от Дона.

У Аммиана обнаруживается некий литературный атавизм – стремление сваливать в одну кучу новую информацию и старую. В главе, посвященной аланам, в книге XXXI содержится пространное описание народов, которых аланы «подчинили себе в многочисленных победах и распространили на них свое имя», причем автор обещает прояснить противоречащие друг другу мнения географов и рассказать правду. На деле же он предлагает странную мешанину цитат из Геродота, Плиния и Мелы, называя гелонов, агафирсов, меланхленов, антропофагов, амазонок и сиров (серов), словно все они еще жили в его время.

Гунны схлестнулись с аланскими племенами в районе Дона. Это, пожалуй, все, что мы можем извлечь из рассказа Аммиана. Если бы автор использовал термин «танаиты» так, как это делал Птолемей, тогда донские люди жили бы в европейской Сарматии. Но река никогда не была границей между полукочевыми племенами скотоводов, и определенно не являлся таковым спокойный Дон. Археологические свидетельства неоспоримы. В IV в. сарматы пасли свой стада и восточнее Дона до Волги и даже за ней, и к западу от реки до равнин Румынии. Где именно напали гунны, установить невозможно, но можно предположить, что, как и более поздние завоеватели, они действовали в низовьях реки.

Рассказ Аммиана о союзе между группой или группами аланов и гуннов невозможно подвергнуть сомнению. В 370-х и 380-х гг. гунны и аланы так часто упоминаются вместе, что некий союз или сотрудничество между ними представляется весьма вероятным даже без следующего утверждения Аммиана: «И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха.

В течение долгого времени¹⁹ царь гревтунгов делал все возможное, чтобы прочно держаться на месте, но, когда пошли слухи, преувеличивавшие степень надвигающейся опасности, он убил себя.

Витимир, избранный после его кончины королем, оказывал некоторое время сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов, которых он за деньги привлек в союз с собою. Но после многих понесенных им поражений он пал в битве, побежденный силой оружия. От имени его малолетнего сына приняли управление Алафей и Сафрак, вожди опытные и известные твердостью духа; но тяжкие обстоятельства сломили их, и, потеряв надежду дать отпор, они осторожно отступили и перешли к реке Данастию».

Версию Аммиана опроверг хорватский ученый Л. Хауптман, который считал, что или Аммиан совершил грубую ошибку, или его текст был искажен. Он был уверен, что Витимир сопротивлялся не аланам, а гуннам. При этом Хауптман ссылаясь на Иордана, по версии которого единственными врагами остготов были гунны. Однако компиляция Иордана тенденциозна от начала до конца. Он не только сохранил изменение ранней истории готов, каким обнаружил его у Кассиодора, но также изменил то, что читал у Аммиана, в пользу аланов. Они были, писал Аммиан, *Hunis per omnia supparet* (XXXI. 2, 21); у Иордана в «Гетике», 126, это изменено на *pugna pares*. По Аммиану, аланы были в сравнении с гуннами *victu mitiores et cultu*. Иордан заменил *mitiores* на *dissimiles*, а *cultu* на *humanitate*. Он прочитал у Аммиана, что аланы напали на остготов после смерти Германариха, что вписывалось в изображение благородных аланов, и он сей факт исключил.

О сражениях между аланами и готами пишет и миланский епископ Амвросий (374–397). В труде *Exposito evangelii secundum Lucam*, написанном, вероятно, в конце 378 г., он обобщил события, приведшие к катастрофе Адрианополя:

«Гунны набросились на аланов, аланы на готов, а готы на тайфали и сарматов; готы, изгнанные с собственной земли, сделали нас изгнанниками в Иллирии, и это еще не конец».

Информация, полученная Амвросием в Милане, была не вполне правильной. Царство Германариха рухнуло под натиском гуннов. Но свидетельства Аммиана и Амвросия не оставляют сомнений в том, что некогда имела место долгая борьба и главными врагами готов являлись, конечно, аланы. Но это были единственные аланы, заключившие союз с гуннами? Возможно. А следующая странная история, рассказанная Иорданом, сохранила смутные сведения о восстании групп аланов *внутри* остготского царства: «Германарих, король готов, хотя, как мы сообщили выше, и был победителем многих племен, призадумался, однако, с приходом гуннов. Вероломному же племени росомонов, которое в те времена служило ему в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени, по имени Сунильда, за изменнический уход от ее мужа король, движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Аммиий, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый этой раной, король влачил жизнь больного. Узнав о несчастном его недуге, Баламбер, король гуннов, двинулся войной на ту землю остготов».

Если Сунильда, безусловно, германское имя, то происхождение имени Сар от готского *sarwa* (оружие, броня), а имени Аммиий от готского *hama* (вооружаться) представляется неубедительным. Нет и удовлетворительной этимологии росомонов. Сар позднее встречается как имя гота, но это не обязательно делает Сара из росомонов готом. Это имя можно сравнить с именем Сарозий или Сарой, который около 500 г. был царем аланов на Кавказе. Саракос из надписи из Танаиса (начало III в.), вероятно, произошло от сарматского слова, соответству-

¹⁹ Война между гуннами и остготами, обычно датируемая 375 г., на самом деле датировке не поддается.

ющего авестийскому *saga-*, осетинскому *säg-*, «голова». *Sar* может означать «капитан». Сафракс и Лагариман, знаменитые вожди готов, носили иранские имена; они могли быть аланами. Хотя невозможно доказать, что росомоны являлись мятежными аланами, отступление аланского племени в то время, когда напали на остготов, представляется более вероятным, чем предательство готской знати.

Почти наверняка *concordia* (согласие) с крупными группами аланов дала возможность гуннам выступить против Германариха. Аммиан не пишет, каковы были условия союза. Если учесть, что аланы, которые в 418 г. подчинились *patrocinium* (покровительство) царя вандалов, сохранили свою племенную организацию до конца царства вандалов, можно допустить, что гуннско-аланский союз гарантировал иранской стороне значительную степень независимости и большую долю добычи. Не первый и не последний раз другие племена вступали в союз с гуннами. В некоторых случаях союз, вероятнее всего, вылился в настоящий симбиоз, в других племена объединялись временно для набегов и военных экспедиций. Гуннско-аланский союз продлился три десятилетия.

Рассказ Аммиана об аланских нападениях на готов подкреплён Амвросием. Однако, судя по всему, нет других авторитетных авторов, которые упоминали о гуннах, ставших на сторону Витимира. Почему гунны, даже если готский король им платил, сражались за него, когда его положение, совершенно очевидно, оставалось безнадежным? Если они были с теми гигантскими ордами, которым не мог противостоять даже великий Германарих, имелись все основания предполагать, что они, как только появилось желание, начали грабить. Ведь те гунны, которые вторглись на земли вестготов, вскоре были вынуждены прекратить атаку «вследствие затруднительного положения, в которое их поставило обилие добычи». Возможно, гунны, принявшие стороны готов, были частью народа, переправившегося через Дон? Или эти гунны жили к западу от реки и потому ощущали угрозу, как и готы. Тогда, вероятно, когда Витимир обратился к ним за помощью, они решили выступить с германцами единым фронтом?

Ответ даёт фрагмент из «Гетики» Иордана, источником которого были труды историка V в. Приска: «Подобные некоему урагану племен гунны захватили алпидзуров, алцилдзуров, итимаров, тункарсов и боисков, находившихся на границе этой самой Скифии». Как мы увидим, первые два названия (означают одно – тюркское имя собственное *Alp-il-čur*), которые нельзя отделить от гуннских имен, оканчивающихся на – *čur*. Другие имена собственные мы рассмотрим позже. А в настоящем контексте достаточно одного – *Alričur*, чтобы доказать существование тюркоговорящих кочевников на или вблизи северо-восточного побережья Черного моря до прихода гуннов. В 430-х гг. те же народы, перечисленные в том же порядке, теперь находившиеся под властью гуннов, имели свои пастбища вдоль Дуная. Мигрировали они или осели там, как подданные гуннов, – большого значения не имеет. Важно лишь то, что их союз выдержал все превратности этих бурных десятилетий. Поскольку в обоих отрывках первыми названы алпидзуры, очевидно, они были главным племенем. Захваченные гуннами возле Меотиды, они 60 лет спустя все еще противились своим хозяевам и заключили союз с римлянами. В одной из следующих глав я еще вернусь к этим «гуннам до гуннов».

Царство Германариха

Часто считают, что Атила правил всеми народами, некогда бывшими под властью царя остготов Германариха. Археологи, вероятно, усомнились бы, приписывая захоронения в лесах центра России гуннам-кочевникам, если бы не верили, что готы Германариха когда-то там правили. Утверждение послов Западной Римской империи при дворе Атилы, что гуннский царь был господином над океанскими островами, не принимали бы так широко, если бы не заявление Иордана о том, что эсты, жившие на балтийском побережье, являлись подданными

Германариха. Недостаточно критическое отношение и склонность к шовинизму то непропорционально увеличивали готские владения, то вообще отрицали их существование²⁰.

Описание Иордана – почти гимн: «Немало древних писателей, – утверждает он, – по достоинству сравнивали Германариха с Александром Великим». Вероятно, это сравнение сделал источник Иордана – Кассиодор, а не безграмотный гот. Он же назвал Германариха «правителем всех народов Скифии и Германии». Далее Иордан перечислил 13 народов, которых Германарих покорил на севере: «гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов». Неточное чтение и странные формы этих названий дают необычайный простор для всевозможных догадок. Томачек решил, что атаулы – гуннское племя, название которого произошло от тюркского *ataghul* – лучник. Мюлленхоф считал, что *scytha* в названии *goltescytha* есть латинизированное *chud*, обозначение финских племен в ранних русских хрониках. Маркарт принял *golte* за другую форму *Scoloti*, связал его с *thiudos*, отбросил *golte*, как украшение, и получил сколотов. Он и Гринбергер не сомневались, что *thiudos* – готское значение слова «народ», но Гринбергер подозревал в *golte* латинское *gothice*, связал *scythe* и *thiudos* и перевел – по-готски скифские народы. Обсуждать эту и прочие этимологические фантазии – пустая трата времени. Морденс – это мордвины, а меренс – марийцы. Но действительно ли Германарих *domuerat* (укротил) их – представляется сомнительным. Этнические имена могут отражать степень географических знаний Иордана и его источников.

Утверждают, что Германарих также подчинил себе «своей мудростью и могуществом» народ эстов, живший на побережье Балтийского моря. Вполне возможно это всего лишь означает, что существовали торговые связи между готами и племенами, обитавшими в странах, где добывают янтарь. Не исключено, что они существовали в гуннские времена и при великом остготском короле Теодорихе (Теодорихе).

После завоевания северных народов Германарих подчинил своей власти герулов, живших у Азовского моря, что вполне правдоподобно. Начиная с середины III в. восточно-германское племя герулов действительно обитало на берегах Меотиды.

Наконец, Германарих подчинил себе венетов. Переведя из триумфального гимна в прозу, можно сказать следующее: «Время от времени готы нападали на славянскую территорию на северо-востоке». В весьма сбивчивом повествовании о годах, последовавших за смертью Германариха, Иордан говорит о войне между частью остготов и антами, возглавляемыми царем Боз. После победы над антами готы подверглись нападению гуннов и потерпели поражение на реке Эрак.

Границы остготской «империи» невозможно обозначить точно, поскольку их, в сущности, не было. Вокруг более или менее плотно заселенного готского района располагались территории разных племен. Возможно, некоторые из них платили регулярную дань готам, другие только обменивали по бартеру свои товары (вероятно, по большей части меха) на то, что готы получали или из Боспорского царства, или из Дунайских провинций. Вероятно, некоторые племена участвовали в готских набегах. Быстрый крах царства Германариха ясно указывает на отсутствие в нем единства.

В нашу задачу не входит повторный анализ рассказа Аммиана о войне между гуннами и вестготами, южными соседями остготов. Это было сделано историками периода переселения народов. Самым компетентным и лаконичным из них, по моему мнению, был Пач. Вестготы при Атанарихе ожидали атаки гуннов на правом берегу Днестра, но не смогли противостоять ей. Они отступили за Серет. Большая часть народа решила искать новый дом в империи.

²⁰ Карта в *Vorgeschichte der deutsche Stämme*, опубликованная национально-социалистической немецкой рабочей партией накануне вторжения Гитлера в Советский Союз, превратила всю Восточную Европу до Урала в «государственную территорию Германариха». Альтхайм считал даже Дагестан, расположенный на востоке Кавказа, готским.

Атанарих и его последователи прошли через Олтению в *Caucalandis locus*. Если верить Пачу, *Caucaland* – гористая часть Баната между реками Марос, Тиса и Дунай. Возражения его тезису основаны на сомнительном отождествлении названия, не принимающем во внимание события конца 370-х гг., которые определенно указывают на вестготов в Восточном Банате. Поэтому я согласен с Пачем²¹.

Начиная с 376 г. и далее гунны были правителями большого района на юге России. Они стояли на нижнем Дунае. Картина, которую можно представить, опираясь на сведения Аммиана, является не ошибочной, но односторонней. Автор ничего не говорит о судьбе Боспорского царства, жизни покоренных гуннами народов, их экономике, социальных институтах, взаимоотношениях. Однако было бы несправедливо винить Аммиана. Он писал историю Римской империи, а не варваров. К счастью, культура людей, живших к западу от Дона, может быть реконструирована, по крайней мере в общих чертах, с помощью археологического материала.

Гунны на Дунае

Летом 376 г. десятки тысяч вестготов расположились лагерем на северном берегу Нижнего Дуная вокруг Дуростурума (совр. Силистра). Они терпеливо ожидали разрешения переправиться через Дунай и осесть во Фракии. Это была большая часть гордого народа, который только несколькими годами раньше заставил римлян обращаться с их лидером – Атанарихом, как с равным царю царей. Теперь, потерпев поражение от гуннов, они голодали и смертельно боялись, что враги снова нападут на них прежде, чем они получат убежище в империи.

Разрешение пришло осенью. Вестготы²², тайфалы²³ и прочие трансдунайские варвары переправились через Дунай.

Последовавшая борьба между вестготами и восточными римлянами, которая годами велась во Фракии, временами захватывая немаленькие участки Македонии, хорошо изучена. Это понятно и логично. Германцы развились и стали великими народами; во Франции и Испании именно они определили судьбу западного мира. За исключением нескольких лет правления Аттилы гунны маячили где-то на краю ойкумены и даже за ним. Их история в последние десятилетия IV столетия представляется лишенной всяческого интереса. Даже ученые, изучавшие гуннов, не уделяли ей никакого внимания.

Это правда, что мы располагаем только ограниченной информацией о гуннах в этот период, хотя, если разобраться, она не намного более ограничена, чем о других временах. Чтобы найти в летописях, комментариях к Библии, проповедях, эдиктах и поэмах несколько коротких отрывков, в которых речь идет о гуннах, и установить, что произошло, когда и где, требуется не в меру большой аппарат. Но этого не избежать, если мы хотим знать, как гунны попали в Центральную Европу.

²¹ Таким образом, известное сокровище Пьетроасса в Бузэу не имеет никакого отношения к Атанариху.

²² Под предводительством Видериха, Алатея и Сафракса.

²³ Аммиан говорит о них лишь однажды; в конце осени 377 г. *autumn vergente in hiemem*, римляне почти уничтожили орду тайфалов, которые незадолго до этого переправились через Дунай. Но Зосима называет их следующими после готов, они занимают второе место среди вторгшихся на территорию империи. Тайфалы, очевидно, были многочисленным народом. До 370 г. они удерживали Олтению и западную часть Мунтении. Как далеко к востоку от реки Алута простиралась их территория, можно было бы оценить, только если бы было известно точное местонахождение линии обороны Атанариха, которая «огибала земли тайфалов». Последнее время делаются попытки ее локализовать. Нет никаких доказательств постоянно повторяемым заявлениям, что тайфалы были германцами. Следует отметить, что в Галлии тайфалы и сарматы селились вместе.

Вестготы и гунны кооперируются

После кровавого сражения в районе местечка Салиций (Ад Салицес в Северной Добрудже) между вестготами и войсками империи (см. главу 12) летом 377 г. римляне отошли за Балканы. Их потери были не такими огромными, как у вестготов. Но, даже учитывая направленное к римлянам подкрепление, их командующий не мог пойти на риск еще одного сражения. Вестготы все еще имели большое численное преимущество. Однако их сила являлась одновременно их слабостью, они были не армией: это был целый народ – женщины, дети, больные, старики. Поэтому они численностью превосходили воинов в четыре-пять раз, «было использовано все, что только могло служить едой на землях Скифии и Мёзии. Все жизненно важные предметы были собраны в укрепленные пункты, которые враги даже не пытались осаждать из-за своего абсолютного невежества в этих и других военных операциях».

Римляне поспешно укрепили горные перевалы. Готы оказались между Истром (Дунаем) и заброшенными землями. Их ситуация быстро стала отчаянной. Римские войска могли легко прорваться через *aggeres celsi* – высокие валы готов, которые, очевидно, были обычными ограждениями, но для готов они оказались неприступными. «Подгоняемые яростью и голодом», они снова и снова атаковали, но всякий раз были отброшены. Ограниченные слева морем, справа и впереди горами, а сзади Дунаем, готы не могли продержаться долго. Под влиянием острой необходимости они вступили в союз с некими гуннами и аланами, питая надежду на большую добычу. Как только римский командующий об этом услышал, он оставил свои позиции, и римляне отошли на равнины Фракии.

Аммиан Марцеллин дает весьма живописное описание последовавших событий. Но вместо того чтобы рассказать читателю, что именно произошло, он пространно и с утомительными подробностями пишет об ужасах вторжения варваров. Мы много слышим о страданиях женщин и свободных мужчин, которых гнали кнутами, но так и не знаем, почему римляне отступили. Гунны имели так же мало опыта в штурме даже импровизированных фортификационных сооружений, как и вестготы. В горах их всадники были бесполезны. А тех немногих, которым удавалось пройти за линии римлян, можно было уничтожить без особых усилий. Готы не испытывали необходимости в людях – их было достаточно. Между прочим, сам Аммиан подчеркивает, что число гуннов и аланов оказалось небольшим. Но почему тогда блокада была сломлена? Зеек нашел ответ, глядя на карту: гунны, вероятнее всего, переправились через Дунай далеко на *западе*. Продвинувшись вниз по долине Моравы к Найсусу (совр. Ниш, Сербия) и повернув на восток, они вышли в тыл римлянам. Римский командующий Сатурнин не имел выбора. Он оставил перевалы, и готы были спасены.

Стратегический маневр такого масштаба требует чего-то большего, чем просто соглашение между вестготами и «некими» гуннами. Он предполагает со стороны гуннов способность задействовать много сотен всадников. Каким был статус их лидеров, мы не знаем. Но не важно, были они «царями», вождями племен или военными командирами – гетманами, равно как и то, почему за ними шли люди – из преданности, в погоне за военной славой или за добычей. Все это теряет значение по сравнению с тем фактом, что эти всадники *могли быть собраны*, что их лидеры действительно пришли к соглашению с вестготами, что гунны держались вместе на протяжении сотен миль. Самый первый рассказ о гуннском рейде в Балканские провинции опровергает мнение о том, что полвека после вторжения на юг России гуннское общество состояло из большого числа отдельных маленьких независимых друг от друга групп. Но проблемы гуннского общества мы рассмотрим в другом контексте.

Некоторые авторы утверждали, что гунны воевали в Адрианополе (см. главу 12) бок о бок с готами. Адрианополь (378) стал готской победой. «Римские легионы были уничтожены готами» (*Romanae legiones usque ad internicionem caesae sunt a Gothis*), – писал Иероним через

год после катастрофы. И никто из тех, кто пользовался его хрониками, не мог ничего добавить из других источников. Рассказ Аммиана о сражении далек от той точности, которую можно было бы ожидать от автора с его военным опытом и способностью понимать детали. Определенно одно: решение было принято с прибытием остготов. Вестготы Фритигерна не могли противостоять яростным атакам римской кавалерии. Они отошли к своим повозкам и были вынуждены отступить, когда их спасли остготские всадники Алатея и Сафракса. Вестготский командир, сколько мог, избегал сражения, возможно, потому, что все еще надеялся прийти к пониманию с императором, но, главным образом, поскольку боялся вступить в бой в одиночестве. У римлян были сарацинские лошади. Фритигерн отчаянно нуждался в остготской кавалерии. Не прибудь она вовремя, вестготы, скорее всего, были бы разбиты или даже уничтожены. Неожиданная атака остготов вызвала панику в рядах римлян, за которой последовала бойня.

Сражение при Адрианополе, одна из решающих битв в истории, было выиграно *equitatus Gothurum* (готской конницей). Это правда, что там были люди и из других племен, но не гунны. Аммиан говорит о *Halanogum manus*. Если бы повествование написал Иордан, мы могли бы заподозрить, что он не желает приписывать гуннам честь готской победы. У Аммиана не было причин предпочитать аланов готам. В его рассказе гунны появляются *после* сражения. Когда готы разбивают лагерь в Перинфе на берегу Мраморного моря, они были *Hunis Halanisque permixti*. Гунны держались в стороне от сражения. Их потомки, массагеты в римской армии в Африке, поступали так же отнюдь не единожды. Они ждали, желая посмотреть, кто одержит верх. Гуннов интересовала добыча, и они не имели желания проливать кровь за царя готов²⁴.

В следующие два года наши источники неоднократно упоминают о гуннах, готах и аланах вместе. Однако, когда гунны грабили и жгли фракийские деревни, действовали они самостоятельно или как союзники готов – неизвестно. Некоторые современные авторы видели в гуннах страшных злодеев, которые были «свирепее любой катастрофы» (*omni pernicie atrociores*). Орозий называет гуннов и аланов перед готами.

После 380 г. среди варваров Балканских провинций ни гунны, ни аланы не упоминаются. Готы тысячами служили в римской армии. Римские командиры Ботерих, Эриульф, Фравитта, Гаинас и Руморид были готами. Но мы не слышим о гуннских контингентах или офицерах-гуннах. Гунны вернулись за Дунай.

Хотя гунны не сражались при Адрианополе, они косвенно решили судьбу сражения. Следующие хронологические и географические размышления вроде бы уводят нас в сторону от гуннов, но без них невозможно реконструировать события в мире варварства (то есть на территориях за границами Римской империи).

Гунны угрожают Паннонии

В начале июня 378 г. армия Грациана, которая должна была как можно скорее присоединиться к восточным римлянам, теснимым вестготами, наконец выступила во Фракию. Фривольное желание юного императора предстать перед Валентом победителем могущественных варваров на западе задержало выход на целый месяц²⁵. Но теперь Грациан спешил. Он возглавлял свои войска на долгих переходах, *correctis itineribus*, от Феликс-Арбора, что на озере Констанц, до Лауриакума – совр. Лорх – в Верхней Австрии. Там армия, прошедшая 300 миль,

²⁴ Хронологию кампаний Феодосия по борьбе с готами в 380 г. см.: Ensslin W. 1948, 12–14. Gregory of Nazianzen (*De vita sua*, PG 37, 1098) дает дополнительную информацию.

²⁵ Грациан был уже на пути на восток, когда узнал, что алеманны-лентийцы терпят ужасное поражение при Аргентарии в районе Кольмара. Император покинул Трир после 20 апреля, так что сражение, должно быть, имело место в конце апреля или начале мая. Исполненный уверенности в себе, император «повернул налево и незаметно перешел через Рейн» – возможно, в районе Базеля. Хотя кампания велась с большой энергией и скоростью, Грациан не смог возобновить свое продвижение на восток до начала июня.

сделала небольшой привал²⁶. Сам Грациан выслал вперед по суше весь свой багаж, спустился по Дунаю, прибыл в Бононию (в Верхней Паннонии, совр. Баностор) и вошел в Сиримиум (в Нижней Паннонии, современный Сремска Митровица). После остановки там на четыре дня он пошел дальше по реке в Кастра-Мартис (современный город Кула в Болгарии), хотя и страдая от болезней. Здесь на него неожиданно напали аланы, и он лишился части своих сторонников. Это была первая схватка с противником.

Грациан не осмелился бы плыть по Дунаю, имея всего лишь отряд легковооруженных войск, если бы не был уверен, что квады, язиги и сарматы на левом берегу реки будут хранить мир. Они все еще страдали от поражений, нанесенных им тремя годами раньше Валентинианом. Квады были вынуждены поставлять рекрутов в римскую армию и возобновили союз с сарматами-аргарагантами в Банате. Чтобы не допустить повторения внезапных нападений, наподобие тех, что в 374 и 375 гг. завели варваров в глубь римской территории, приграничные укрепления были существенно укреплены. Паннонийские солдаты могли выделяться даже для службы в Британии. Весной 378 г. Фригерид, один из военачальников Грациана, с паннонийскими и трансальпийскими войсками присоединился к силам во Фракии. Грациану нечего было опасаться со стороны народов, живущих к востоку от Дуная. Но всего через несколько месяцев Валерия, самая восточная провинция Паннонии, подверглась вторжению готов, гуннов и аланов.

Допуская, что Грациан двигался с такой же скоростью, как император Юлиан (360–363), который летом 361 г. в условиях отличной погоды плыл с 3 тысячами людей от «места, где река судоходна» до Сирмиума (Сирмия) 11 дней, то он мог прибыть в Бононию в конце июня или начале июля. Возможно, Грациан был в Кастра-Мартисе не позднее середины июля. Мог ли он присоединиться к Валенту до 9 августа, когда произошло знаменитое сражение, – вопрос спорный. В письме, которое Грациан отправил Валенту, говорится, что он намеревался как можно скорее бросить свою кавалерию в бой. Но отрывок из «Новой истории» Зосимы, написанной в VI в. показывает, что Грациан внезапно остановился, повернул обратно и вернулся в Сирмиум.

Виктор, командовавший конницей, один из немногих высших офицеров, переживших бойню Адрианополя, пробился с остатками своих людей «через Македонию и Фессалию в Мёзию и Пеонию, чтобы проинформировать Грациана о случившемся». Пеония здесь обозначает провинцию Паннония Секунда²⁷. Если Виктор действительно был первым, кто сообщил Грациану о смерти Валента, и если он встретился с ним в Паннонии, то Грациан вернулся в Сирмиум не потому, что понимал невозможность противостоять готам в одиночку после уничтожения восточной армии, а *до* того, как узнал о катастрофе. Следует отметить, что Зосима – не слишком надежный автор²⁸. Важную новость о смерти Валента Грациан мог получить и по пути на восток²⁹. Но если ему и следовало вернуться раньше, тому могла быть только одна причина: его войска, хотя и остро необходимые во Фракии, скорее всего, были еще нужнее в

²⁶ На это указывает большое число монет, отчеканенных в Трире в 364–378 гг., которые были найдены в Лорьхе.

²⁷ Зосима без разбора использует названия Paionia, Paioniai, Paiones. Он знал, что Паннония состоит из нескольких провинций, но не потрудился указать, в какой из них произошло то или иное событие. Цибалы, Сирмиум, Мурса – для него были просто городами Паннонии. В комбинации «Paionia and Mysia» Paionia всегда означает Паннония Секунда, а Mysia – Верхняя Мёзия. Интерпретация Е. Полашек, что Paionia – это Македонская Пеония, неприемлема.

²⁸ Но дополнение Зосимы к Евнапию показывает, что он имел доступ к каким-то источникам, ныне утраченным. Согласно Евнапию, Фракия, Македония и Фессалия были разграблены готами еще до сражения при Адрианополе. Зосима копирует Евнапия, но добавляет: «И Пеония».

²⁹ Ни рескрипт о терпимости, который Грациан издал сразу после получения известия о смерти дяди, ни эдикт от 25 сентября 378 г. не дает и намека на дату, когда новость достигла императора. Эдикт был издан от имени Валента, Грациана и Валентиниана, но это вовсе не означает, что Валент был еще жив. Действуя в соответствии с рескриптом о терпимости, македонцы встретились в синоде Антиохии в Карии еще до конца 378 г. (Duchesne, 1924. 2, 343. № 1). Но невозможно точно установить, когда они о рескрипте узнали. Зеек, датировавший его между 18 августа и 25 сентября (1919. 250), не указал, какими причинами руководствовался. Насколько я могу видеть, их нет.

Паннонии. Валент сражался с готами. Грациан должен был сражаться и с народами, вытесненными в Паннонию гуннами, и с самими гуннами.

Грациан попросил епископа Амвросия, сначала в письме, потом при встрече в Сирмиуме, написать трактат об ортодоксальной вере. Амвросий составил первые две книги *De fide* «поспешно и сжато и скорее в грубой, чем в точной форме». Он написал их после того, как узнал о смерти еретика Валента, которая его не особенно огорчила. Он назвал молодого императора-ортодокса Грациана «правителем всего мира», который покорит готов. Среди теологических споров и письменных доказательств единственности Отца, Сына и Святого Духа есть отрывок, требующий самого пристального внимания. «Разве мы не слышали, – писал Амвросий, – по всей границе от Фракии через Дакию, Мёзию и всю Валерию проповедующих богохульников (то есть ариан) и галдящих варваров?» Амвросий пропустил Паннонию Секунду, где, очевидно, стояли главные силы Грациана. А то, что он подчеркнул вторжение в Валерию, – всю, – чрезвычайно важно.

В *De fide* готы все еще оставались единственными врагами. Однако вскоре Амвросий получил более точные и тревожные новости. «Гунны, – теперь писал он, – напали на аланов, аланы на готов, а готы на тайфалов и сарматов. Готы, вытесненные из своей собственной страны, и это еще не конец». Расплывчатая картина, представлявшаяся римлянам о событиях за Дунаем, стала яснее: вестготы Атанариха, не присоединившиеся к Фритигерну, напали на тайфалов в Олтении, а потом на сарматов в Каукаланде. По всему варварскому миру, «до маркоманов и квадов», люди пришли в волнение. У нас нет информации относительно сопротивления, которое сарматы в Каукланде, Банате оказывали готам. Оно должно было быть упорным (аргараганты известны своей храбростью и предприимчивостью). Но сопротивление было сломлено, что, очевидно, вынудило большую группу сарматов переправиться через Дунай в Валерию. В декабре 378 г. отставной генерал Феодосий, поспешно вызванный из Испании, разгромил захватчиков³⁰. Хотя рассказ о сражении церковного историка Феодорита изрядно приукрашен, по сути он правдив. Один фрагмент даже проливает свет на состав вторгшихся орд. «Многие варвары, – писал Феодорит, – были убиты собственными соотечественниками». Очевидно, сарматы-лимиганты, рабы аргарагантов, восстали против своих господ и убили их, используя оружие, которое должны были обратить против римлян.

Победа Феодосия, вероятно, слегка ослабила давление на одном участке фронта. Но это был всего лишь эпизод в масштабной борьбе. В январе 379 г., когда Грациан объявил Феодосия императором, сложилась уже практически безнадежная ситуация: «Города опустошены, мириады людей убиты, земля пропиталась кровью, а чужеземцы ходят по этой земле, словно она принадлежит им». Грациан больше не мог из своего штаба в Сирмиуме влиять на ситуацию на фронте, протянувшемся от Западной Венгрии до Черного моря. Восточная часть Иллирика³¹, включавшая диоцезы Дакия и Македония, была добавлена к преторианской префектуре востока, в которой Феодосий должен был стать преемником Валента³². Разделение провинции

³⁰ Пакат едва коснулся военной деятельности Феодосия до его возвышения на трон. Синезий, судя по всему, упоминает о победах Феодосия в 374, а не в 378 г. Рассказ Феодорита долго подвергался сомнению. Тиллемону пришлось защищать его от Барония; Витерсхейм-Дан II назвал его *ein albernes Märchen* (нелепой сказкой). Аутентичность рассказа теперь является общепризнанной. Феодорит ошибочно определил место сражения – во Фракии. Оно произошло на значительном расстоянии от Сирмиума. Сарматы не осмелились бы напасть на войска Грациана в Паннонии Секунде. Дружба Феодосия с Майорианом, которого он взял с собой в качестве *maagister utriusque militiae*, когда принял командование на востоке, датирована после 378 г., когда генерал уже был командиром в Аквинкуме. Все это указывает на Валерию.

³¹ *Иллирик* – римская провинция, Иллирия – историческая область, западная часть Балканского полуострова.

³² Широко обсуждаемая административная история Иллирика интересна нам, только поскольку она затрагивает военную историю 379–395 гг. С ликвидацией готской угрозы отдельная иллирийская префектура стала лишней. Осенью 380 г. Македония и Дакия стали западными и оставались таковыми до 387 г., когда Максим изгнал Валентиниана II из Италии. С тех пор восточная часть Иллирика стала принадлежать не востоку и не западу, а Феодосию. Есть основания полагать, что бразды правления перешли к Феодосию еще в 383 г. В следующем году он вернул префектуру Валентиниану II. Это был просто вежливый жест. Каким бы ни являлся административный и церковный статус Иллирика в 383–395 гг., префектура принадлежала

Иллирик на восточную и западную части было обусловлено чисто военными причинами. Грациан взял на себя борьбу против захватчиков Паннонии.

Духовные историки Сократ и Созомен туманно упоминают о племенах с берегов Истра – варварах. Римский оратор Симмах (340–402) также ссылается на победы двух императоров, но не называет их врагов. Поэты, к счастью, более конкретны. От Паката и Авсония мы узнаем, что люди, которые теснили сарматов к западу от Дуная, теперь атакуют укрепленную границу и уже перешли ее во многих местах. Феодосий все еще был в Испании, когда готы, гунны и аланы ворвались в Валерию. «Все, что гот разорит, гунн разграбит, а алан унесет, Аркадий позднее захочет [вернуть]» («*Quidquid atterit Gothus, quidquid rapit Chunus, quidquid aufert Halanus, id olim desiderabit Arcadius*»). «Увы, я утратил Паннонию», – жалуется *res publica*³³, заклиная Феодосия прийти на помощь. Пакат явно преувеличивал. Паннония еще не была утрачена, но пребывала в опасности. В конце 378 г. Авсоний, друг и учитель Грациана, консул 379 г., получил в Трире хорошие новости:

«Все враги теперь побеждены (где смешанные орды франков и свевов спешат подчиниться, желая служить в римских армиях; и где кочевые банды гуннов установили союз с сарматами; и где геты со своими друзьями аланами напали на Дунае – победа принесла мне на быстрых крыльях новость об этом), и теперь император удостоит меня высокими почестями...»

Возможно, неправильно придавать слишком большое значение дифференциации между савроматами и аланами и предполагаемому союзу между варварами, хотя сарматы, подвергшись нападению готов, действительно могли обратиться к гуннам за помощью. Победы не могли быть такими убедительными, какими они выглядели из далекого Трира, – война продолжалась.

Грациан оставался в Сиримиуме весь февраль и первую половину марта. 5 апреля он был в Трикиане (современный Сагвар), в городе на пути из Сопианы в Аррабону, в 10 милях к югу от северо-западного побережья озера Балатон. Чем он занимался в Северной Паннонии, мы узнаем из нескольких фрагментов Авсония. Галльский ритор, возможно, несколько преувеличил подвиги императора, но он, по крайней мере, их не придумал, что доказал исход борьбы. В благодарность за консульство, обращаясь к Грациану в Трире в конце 379 г., Авсоний восхваляет молодого правителя за «восстановление мира всего за один год на дунайских и рейнских границах». Он называет императора *Sarmaticus*, «потому что он завоевал и простил этот народ»³⁴. В эпиграмме Авсоний хвалит Грациана, который «среди бряцанья оружия, свирепых гуннов и опасных, украдкой подкрадывающихся савроматов, каждую минуту отдыха, которую имел, посвящал музам-клариям (кларии – музы в древнегерманской поэзии. – *Пер.*). В ночном кошмаре Авсоний увидел себя разоруженным военнопленным аланом, которого таскали по улицам.

К середине июня ситуация настолько улучшилась, что Грациан смог передать командование одному из своих генералов и уехать в Италию³⁵. Кроме того, его присутствия в Риме потребовало новое восстание алеманнов на западе.

по множеству военных и практических причин к востоку. От Дрины до Черного моря армиям Феодосия противостояли гунны.

³³ Общее дело (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

³⁴ Аланы, которых Грациан завоевал «дорогой ценой» (*Epit. De caes. XLVII. 6; Zosimus, IV. 35, 2*), вероятно, были среди тех, кого он «простил». Грациану так нравились аланы, что он иногда даже носил их платья. Когда он бежал из Парижа в Лион, с ним были не более 300 всадников. Армия почти до последнего человека перешла к Максиму. Преданные всадники, наверное, были его любимыми аланами.

³⁵ В начале июля Грациан находился в Аквиле.

Гуннское давление на нижнем Дунае

У нас нет необходимости внимательно следить за борьбой между вестготами и армиями Феодосия. Если среди варваров еще оставались гунны, их были единицы. Но гуннская угроза оставалась актуальной. Зимой 381/82 г. скиры и карподаки „смешались с гуннами“, переправились через Дунай, но были вытеснены обратно после нескольких столкновений³⁶. Эпизод представляется важным только потому, что показывает: гунны не могли помешать более активным племенам к северу от Дуная действовать по собственному усмотрению. Все же Феодосий не мог не осознавать, что ужасные всадники, ставшие хозяевами, хотя и не абсолютными, несметных орд варваров в Скифии, могут однажды оказаться для него более страшной угрозой, чем готы. Осенью 382 г. он заключил мир с вестготами.

Ослабленные эпидемиями отряды быстро уменьшались из-за дезертирства. Смертельно уставшие от постоянных передвижений с места на место вестготы жаждали прийти к соглашению с императором. Они хотели получить землю, на которой могли обосноваться, и, по возможности, субсидии. А Феодосию нужны были солдаты. Мирный договор дал готам большие территории в Мёзии и на границе Восточной Дакии; он же дал императору войска, чтобы охранять дунайскую границу от Эскуса (на Дунае близ слияния с рекой Голем Искр) до Дуростурума. Новогоднее обращение Темистия от 1 января 383 г. не следует понимать буквально. Имея большой опыт общения с варварами, Феодосий не мог ожидать, что, как кельты в Галатии, готы станут хорошими и законопослушными гражданами Римской империи. Но он определенно рассчитывал, что они помогут ему укрепить оборону. Годом раньше последователи Атанариха обустроились на правом берегу реки, „чтобы предотвратить любые нападения на римлян“. Зосима, как и Темистий, не назвал потенциального противника. Евнапий Сардский был конкретнее. Император, писал он, дал готам скот и землю, ожидая, что они станут „непоколебимым оплотом против вторжения гуннов“³⁷. Вошедшие в империю на федеративных началах вестготы были обязаны служить там и тогда, когда их призовут, но их главной и постоянной обязанностью оставалась защита самих себя. Сражаясь за свой новый дом, они сражались за Рим. Пока они несли вахту на Дунае, северные Балканские провинции, кроме разве что самой восточной Малой Скифии, были в безопасности. Какое-то время, к сожалению очень короткое, римское население в систематически разоряемых городах и деревнях наслаждалось неким подобием мира. В 384–385 гг. орда варваров перешла Дунай по льду в районе устья и взяла Гальмирис³⁸. Но это происходило за пределами готской территории. Вскоре после этого орды гуннов напали на Скифию³⁹.

³⁶ Дату нельзя считать точно установленной. Зосима помещает короткую кампанию между покорением Атанариха и его приближенных (Атанарих вскоре после этого – 25 января 381 г. – умер) и победой Промота над гревтунгами в 386 г. Как правило, трансдунайские варвары выбирали время для своих набегов так, чтобы пересечь Дунай, как только он замерз, и успеть вернуться с богатой добычей до таяния льда. Во второй половине декабря и в январе 383, 384 и 385 гг. Феодосий был в Константинополе. Но он не издавал никаких законов между 13 января и 20 февраля 382 г., так что было достаточно времени, чтобы поспешить к границе и оттеснить грабителей, если, конечно, он действительно принимал участие в акции. В 381 г. гунны в низовьях Дуная, очевидно, вели себя спокойно. Терентий, епископ Томский в Малой Скифии, покинул свою паству, чтобы принять участие в Константинопольском соборе. Это значит, что в указанное время в Малой Скифии было относительно безопасно. Локализовать скиров не представляется возможным. Карподаки – это даки на земле карпов.

³⁷ Фрагмент относится не, как обычно считают, к 376, а к 382 г. В 376 г. готам еще не дали землю и скот, и лишь в 382 г. они стали ходить, по крайней мере какое-то время, за плугом во Фракии.

³⁸ Во время набега Евномий находился в Гальмирисе, куда он был сослан после смерти Грациана в начале 385 г. Он был отправлен в Кесарию в Каппадокии до смерти Флациллы, до начала зимы 386 г. Этот набег по странности был неправильно датирован и отнесен не к тому месту. Гюльденпеннинг датировал его зимой 381/82 г.; Раушен спутал его с вторжением гревтунгов в 386 г.; Зеек считал, что варвары были сарматами, с которым сражался Бавтон (Баутон), но это было в Венгрии, а Гальмирис находился в Добрудже.

³⁹ Томпсон ошибочно датировал набег 395 г.; он не учел, что это событие имело место в двадцатый год Ипатия, то есть

В 386 г. варвары снова нанесли удар справа и слева от места вахты готов на Дунае и в некоторых местах глубоко проникли на римскую территорию. Эдикт от 29 июля того же года дает весьма странную картину ситуации на Балканах: „Поскольку прокураторы рудников в Македонии, Дакии (средней), Мёзии и Дардании, которые систематически назначаются из декурионов и которые осуществляют обычный сбор налогов, устранились с этой службы под предлогом страха перед врагом, их следует заставить вернуться к выполнению своих обязанностей“. Конечно, прокураторы с радостью использовали любой предлог, чтобы уклониться от исполнения неприятных обязанностей, но все же они не могли придумать врагов, если их не было. Последовательность, в которой перечислены провинции, не оставляет сомнений в том, что враги действовали в долине Моравы-Вардара. Они сеяли страх до самой Македонии, а значит, это были быстрые и мобильные всадники. Вероятно, их было немного, но все же достаточно, чтобы одолеть римские войска. Возможно, они обходили стороной укрепленные пункты и возвращались, нагруженные добычей, обратно. Там и тогда не было других врагов, которые могли совершать подобные набеги на Западные Балканы, кроме трансдунайских гуннов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.